

СЕГОДНЯ — 120 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

свидетельству батумского врача, кандидата медицинских наук Р. Сурмаишидзе, изображен Зеленый Мыс, в повести действуют грузины, описана дача Барабовой (Барабашвили), что дает возможность предполагать, что великий русский писатель побывал в Грузии не только в 1888 и 1900 годах, но и в 1882 году.

Грузинская пресса широко освещала

опубликованные фотографии, приобретенные музеем в 1952 году у Т. Чарсковой, дочери тбилисского фотографа. На фотографии изображены А. П. Чехов, О. Л. Книппер и четверо их друзей, среди которых, возможно, находится брат О. Л. Книппер, инженер-путеец, который, как сообщал «Кавказский календарь», заведовал техническим отделом Управления работ по постройке железной дороги Александрополь — Эривань и квартировался в доме Чарсковых. Как передала Т. Чарскова, А. П. Чехова, вместе с его мо-

виле «Медведь», «Трагик понетерности» была поставлена на грузинской сцене. Спектакль вызвал большой интерес, через несколько дней в газетах «Новое время» и «Иверия» были опубликованы рецензии.

Более интересна, доказательна и объективна, на наш взгляд, была рецензия газеты «Иверия». Рецензент внимательно проанализировал перевод, разбирая достоинства и недостатки пьесы, подчеркнул, что пьеса, хотя и переделана на грузинский лад, совершенно не соответствует местной действительности. В рецензии

довольно подробно говорилось об игре актеров.

За постановкой «Иванова» последовало «Предложение» (перевод Ю. Зардалишвили, переводка Г. Вольского).

В 1903 году С. Романишвили перевел «Дядю Ваню», а в том же году, под руководством В. Гуния, пьеса с участием молодых актеров была поставлена на грузинской сцене. К сожалению, об этом спектакле в печати почти ничего не сказано, известны только исполнители: В. Гуния — Войничский, Д. Бакрадзе — профессор Серебряков, Н. Давиташвили — Соля, Н. Твардадзе — Телегин. Надо полагать, спектакль не произвел большого впечатления, поэтому о нем не писали.

В сезон 1911—12 годов эту же пьесу режиссер М. Корели поставил в Кутаиси. Роль Войничского сыграл сам постановщик. Газета «Мнатоби» дала спектаклю отрицательную рецензию, считая, что только МХАТ способен «справиться с Чеховым и передать его без каких-нибудь недостатков».

Чехов проник в его душу и сердце, и там свил себе гнездо своих дум и чувств... Исходя из своего отношения к драматургии Чехова, автор рецензии серьезно критиковал переделку, в то же время отмечая прекрасную игру К. Месхи, М. Киларджишвили, В. Арадели-Ишхели и др.

«Вишневый сад» («Салхино») периодически ставился на грузинской сцене, рецензенты хвалили актеров Шаликашвили, Каргартели, Киларджишвили, Гамкрелидзе и др.

«Дядя Ваня», «Иванова», «Предложения», «Медведя» и др. Постоянное место в учебном репертуаре студентов занимают рассказы великого писателя. Считая Чехова одним из величайших вершин мировой драматургии, наши ведущие режиссеры только «примериваются» к постановке его пьес. Планируют спектакли по пьесам выдающегося писателя рустанелишвили, марджановичи, кутаисский драмтеатр.

В 1904 году «Иверия», редактором которой был И. Чавчавадзе, писала, что произведения Чехова «имеют общечеловеческое значение», а смерть писателя «для Грузии большая потеря, поскольку будущее Грузии «крепко связано с достижениями России». В статье высказывалось желание полностью увлечь произведения Чехова на грузинском языке. Это пожелание сегодня достигнуто.

Надежда ШАЛУТАШВИЛИ, профессор.

ХУДОЖНИК НА ВСЕ ВРЕМЕНА

А. П. Чехов незадолго до смерти с грустной иронией сказал: «Читать меня будут только семь лет, а жить мне осталось и того меньше: шесть». Он ошибся вдвойне — прожил он меньше, а произведения его не только живут более ста лет, но и покорили весь мир. Его драматургия, подобно шедеврам Шекспира, завоевала мировую сцену и с каждым годом становится все популярнее во многих странах мира. Отмечая огромный интерес к Чехову, известный японский режиссер Уно Дзюнтси писал: «Для меня Чехов — вершина... через Чехова необходимо пройти, чего бы это ни стоило... когда вы прошли через Чехова, рождается новый стиль современного театра...».

Рассказы Чехова стали переводить и печатать в грузинских газетах и журналах в конце прошлого века. Сам Чехов живо интересовался столь любимым русскими поэтами Кавказом, и, в частности, Грузией. Уже в ранней повести «Зеленая коса», по творческую деятельность Чехова, об этом довольно подробно изложено в книге О. Лордкипанидзе — «А. П. Чехов в дореволюционном грузинском театре».

Плененный природой Грузии, Чехов с восторгом вспоминал Батуми, Сухуми, Поты, Военно-Грузинскую дорогу, о которой писал: «Это не дорога; а поэзия, чудный фантастический рассказ, написанный Демомом и посвященный Тамаре...».

В Грузии Чехову довелось быть вместе с А. М. Горьким, с художником В. Васнецовым. Здесь он встречался со своей будущей женой, знаменитой актрисой МХАТа О. Книппер, которая в те годы отдыхала в Мхета и Боржоме.

В фондах Государственного музея театра, музыки и кино республики хранятся любопытные воспоминания известного грузинского танцовщика А. Алексидзе (Сонгулашвили) о встречах с Чеховым, но особый интерес представляют не-

лодой супругой и друзьями (возможно, среди них были доктор Средин и Алексин), сфотографировал ее отец, фотограф Г. Чарсков на террасе их дома в 1901 году в Тифлисе. Но, как до сих пор было известно, О. Книппер с направлявшимся в Тифлис Чеховым, Горьким и Васнецовым встретилась в поезде. Как свидетельствуют записки О. Книппер, они вместе ехали шесть часов, до станции Михайлово (Хашури), а затем она направилась по Боржомской ветке. Никаких свидетельств совместного пребывания Чехова и Книппер в Тифлисе, кроме этой фотографии, пока добыть не удалось.

Чехов в Грузии был популярен, интерес к его пьесам возбудил и художественный театр, которым увлекались многие молодые грузинские театральные деятели, его популяризовали гастролировавшие в Грузии русские труппы.

В конце прошлого века (1889 г.) на грузинской сцене с успехом ставились воде-

Желая быть помещиками и чиновниками», — сказал как-то Герцен, подчеркивая детерминированность знаменитых литературных типов и их прототипов. Но поставим вопрос иначе: если поступки людей целиком определяются обстоятельствами, то о какой личной вине, о каких доводах совести, о каком нравственном осуществлении может идти речь? Тот же Герцен не сделался ни помещиком и ни чиновником, а стал основателем вольной русской прессы за границей. Конечно, это исключительный случай, и, конечно, мы все социально детерминированы, но от обязанности стараться быть внутренне стойкими, не слагать вину на обстоятельства, это нас не освобождает.

НА СНИМКЕ: Дом-музей А. П. Чехова. Фото А. Обуховского. Фотосхроника ТАСС.

Если бы каким-либо чудом возможно было обратиться к А. П. Чехову с вопросом, как он относится к своим героям, то, наверное, иронически прищурив грустные глаза, он произнес бы в ответ одну из своих умно-лаконичных фразеологизмов, например: «Любите своих героев, но никогда не говорите об этом вслух» или «Художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем».

Для утверждения такой авторской позиции нужен был своеобразный художественный язык, своя стилистика, особая повествовательная техника, в которой, по меткому слову американского критика Френсиса Ньюмена, Чехов поднялся до «безнадежной степени совершенства». Его короткий рассказ и его драма достигают особого результата, который, в противовес принятому в нынешней критике термину «эффект присутствия», позволительно назвать эффектом отсутствия. Возникновение сопричастности к изображенному миру, впечатление текущего перед нами потока жизни создают иллюзию, что ав-

тор отсутствует, что он тут ни при чем. Но это именно иллюзия, и не только потому, что тихий голос Чехова все-таки слышен, и не потому, что иногда, редко, в звездные для них мгновенья, он дает некоторым своим героям соприкоснуться со сферой авторской души. Природа чеховской объективности очень сложна, так же, как, скажем, природа толстовской субъективности. Приведенные выше слова о писателе-свидетеле нужно понимать в том лишь смысле, что в произведении не должен ощущаться диктат писательской мысли. Чехов чужд проповедничеству, морализации, нормативности (как чужд он, что следует особо оговорить, и безыдейного эмпиризма и всеядности). «Деспотизм истин в последней инстанции» раздражает его даже тогда, когда речь идет о Гоголе или о чтимом им Толстом: «...К черту философию великих мира сего! Она вся со всеми юрдыми послесловиями и письмами к губернаторше не стоит одной кобылки из «Холстомера». Одному ему ведомыми путями, деликатно — именно так — он добивался главной своей задачи, которая состояла в активизировании мысли, в про-

буждении у читателя самостоятельного отношения к себе и к миру.

Повесть несостоявшейся любви («Ю любви»), драма несостоявшегося таланта («Чайка»), печальный итог несостоявшегося человека, к кото-

жется, что он закончится так же скоропалительно, как только герой и героиня разведутся. Но неожиданно для читателей и для самих героев чувство начинает править ими, дарит минуты душевного про-

светления, чистоты, благородства, и теперь уже оказывается, что «все главное еще впереди» («Дама с собачкой»). Читать Чехова нелегко, потому что автор скрещивает восприятие различных лиц, не разрешает доверяться мыслям какого-либо одного персонажа, даже симпатичного ему. Собственное чеховское отношение к изображаемому угадывается из всей сложной многоактурной структуры произведения.

Установление взаимосвязи между героем и временем, реальной зависимости героев от истории, как известно, величайшее завоевание реалистического метода. «Все мы Онегины и Печорины, если не

ЧИТАЯ ЧЕХОВА

жизни («Скучная история») — в основе негромко и строго рассказанных историй лежит принцип чеховской эстетики, который можно сформулировать словами героя из «Рассказа неизвестного человека»: «Надо смотреть в корень и искать в каждом явлении причину всех причин».

Казалось бы, обыденность — это нечто, противоположное трагизму, тем не менее, в художественном мире Чехова это — трагическая обыденность. На фоне каждодневности возникают образы людей, забывших, потерявших себя, или с неясной и глухой тоской вспоминающих себя, прежних. Люди Чехова, в ос-

таточном, люди без особой судьбы, лишенные трагической значительности и неповторимости, и, тем не менее, трагически обреченные. Чехов видит и изображает непростые, неясные положения, к кото-

рым просто противопоставлено податочное к категоричности незрелого ума (см. например, «Дуэль», «Страхи», «Огни» и др.). Фон Корен ненавидит Лавевского за его распушенность, праздность, он считает, что Лавевского надо если не истребить, то, во всяком случае, изолировать от общества, чтобы обезвредить его развращающее влияние, и такая оценка имеет резон. Но Лавеский вдруг оказывается способен на совершенно непредвиденный душевный переворот, и фон Корен, который был прав, становится кругом неправ («Дуэль»). На фоне яркого ялтинского моря завязывается скоропалительный курортный роман, и ка-

кого-либо одного персонажа, даже симпатичного ему. Собственное чеховское отношение к изображаемому угадывается из всей сложной многоактурной структуры произведения.

Установление взаимосвязи между героем и временем, реальной зависимости героев от истории, как известно, величайшее завоевание реалистического метода. «Все мы Онегины и Печорины, если не

В ПЕРЕВОДЕ НА ГРУЗИНСКИЙ

Заведующий редакцией переводной художественной литературы издательства «Сабчота Сакартвело» Гиви Цицкишвили недавно закончил работу над переводом произведения классика русской ли-

тературы А. П. Чехова «Остров Сахалин». Мы попросили его рассказать о переводах Чехова на грузинский язык, о его собственной работе над произведениями ве-

ликого русского писателя. Вот что он рассказал: — Как известно, в 1961—62 годах наше издательство выпустило в свет трехтомное собрание сочинений А. П. Чехова общим тиражом в 60

тысяч экземпляров. В нем представлены такие знаменитые произведения писателя, как «Хамелеон», «Цветы запоздалые», «Унтер Пришибеев», «Толстый и тонкий», «Шутка», «Оратор», «Июнь», «Человек в футляре», «Палата № 6», «Чайка», «Дядя Ваня» и др.

Читатель имел возмож-

ность ознакомиться с этими произведениями Чехова в переводах на грузинский язык Ш. Дадниани, Д. Шенгелая, А. Беллашвили, И. Полумордино, Ш. Табукашвили, П. Церетели, П. Бухтуридзе, Т. Сулиашвили, Э. Мтвардадзе, Б. Мирцхулава и др.

Мне пришлось иметь дело с переводом на грузин-

ский язык сочинений русских классиков. В их числе — повесть Достоевского «Двойник», «Морские рассказы» Станюковича, рассказы Бунина и другие. Чеховская проза мне особенно близка: переводы рассказов писателя «Перед свадьбой», «Свидание состоялось, но...», «За двумя зайцами по-

гнались...», «Один из трех», «Идиллия — улы и ах», «Предложение», повести «Незачетная победа», пьесы «Дядя Ваня» (над которой мы работали вместе с Б. Мирцхулава) помещены в выпущенном нашим издательством вышеупомянутом трехтомнике.

Донести до грузинского читателя лаконичность и выразительность чеховского стиля — очень сложная задача, стоящая перед каждым его переводчиком.

А. ОКРОПИРИДЗЕ, студент V курса факультета журналистики ТГУ.